

**ФРАГМЕНТ ТЕКСТА КНИГИ А.П. ЕФРЕМОВА
«ПУТЬ ВНИЗ ПРЕГРАЖДАЮТ СИФОНЫ»¹ С ОПИСАНИЕМ
«КИНОЭКСПЕДИЦИИ» В СНЕЖНУЮ, НАРУШИВШЕЙ НОРМАЛЬНЫЙ ХОД
ЭКСПЕДИЦИИ ИГ АН СССР.
(Стр. 141 — 146)**

...Хотя группа Морозова-Усикова действовала почти подпольно, весть о том, что нашли продолжение Снежной, быстро распространилась в спелеологической среде. Какие бы чувства ни рождали в умах спелеологов новые открытия – радость или ревность – за деятельностью «экспедиции одиночек» следили с напряженным любопытством. Было чему удивляться! Впервые за всю историю отечественной спелеологии на глубине почти рекорда мира работала не многочисленная людская пирамида, а два-три человека, и каждая группа - несколько недель, а то и месяцев. Столь безумна отвага вызывала, с одной стороны, восхищение, с другой - сомнение в необходимости такого риска.

¹ Ефремов, Александр Петрович.

Путь вниз преграждают сифоны: хроника / Александр Ефремов. - М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2005 (Тип. ИПК РУДН). - 547, [1] с., [24] л. ил., цв. ил.; 20 см.; ISBN 5-209-04081-X (в обл.)

И вот теперь, когда в официально «свободную» Снежную собралась наша экспедиция, Усиков и Морозов сами позвали на переговоры.

Зимним вечером Колесников подвез меня на своей машине к старому дому на Метростроевской улице (ныне Остоженка). Морозов жил в квартире с высокими потолками, кажется, коммунальной: средних габаритов комната, где нас принимали, служила и столовой, и мастерской. Хозяин с гордостью продемонстрировал свои технические достижения, в частности печку для сушки мяса. Когда сели пить чай с вареньем, Усиков осторожно попытался выяснить летние планы киноэкспедиции.

Негодный дипломат, я сразу все честно рассказал: собираемся снимать кино в верхних галереях Снежной, а заодно уж для тренировки прогулять молодежь до старого дна; впрочем, с разрешения первопроходцев мы с удовольствием поглазели бы на новую часть пещеры. После дачи моих показаний атмосфера в комнате заметно потеплела. Конкуренция с нашей стороны не просматривалась, так что первопроходцы тут же разрешили посетить новую часть и любезно дали посмотреть карту. Оказалось, что за Пятым завалом можно идти и плыть по реке несколько километров — на это требовалось не менее недели. Столь длительное пребывание на глубине вовсе не входило в наши планы и практически гарантирован команде Усикова приоритет в дальнейшем прохождении Снежной. Мы договорились о сроках наших экспедиций и расстались, вполне довольные друг другом.

Вскоре стало известно, что сделавшую серьезное открытие экспедицию Усикова и Морозова взял под крыло Институт географии, и в этом вроде бы даже принял участие президент Академии наук А. Л. Александров. Мы порадовались, что добрая фея — большая наука — наконец-то повела на королевский бал золушку-спелеологию, и от души позавидовали бывшим неформалам: теперь у них будут и деньги, и достойная «крыша».

В середине июля наша киноэкспедиция была готова к отъезду из Москвы. Казалось, решены все проблемы: мы выбрали снаряжение, купили и упаковки продукты, согласовали график киносъемочных работ с телевидением, договорились с дивногорцами о встрече в Дурипше и с властями Сухуми — о вертолете. Мухин-старший даже добыл работающий на бензине генератор, чтобы киношникам под землей было светло. Генератор, хоть и весил семьдесят килограмм, выдавал целый киловатт мощности, и мы решили взять его с собой. Но как выяснилось, предусмотрели не все.

За два дня до отъезда в адрес Московского городского клуба туристов на мое имя пришла телеграмма с известием, что доступ в пещеру Снежная закрыт, так как в ней работает научная экспедиция Института географии. До сих пор этот подрыхлевший почти за четверть века клочок бумаги лежит в моем архиве рядом со списками снаряжения и графиками работы. Подписал телеграмму некий М. — начальник экспедиции.

Неприятно заниматься любимым делом в заведомо конфликтной ситуации. Но пути назад не было, и с надеждой

решить проблему путем переговоров, мы отправились в путь.

Поздно вечером на известном читателю стадионе в Дурипше два десятка распаренных голых по пояс молодых людей столпилось у горы экспедиционного груза, только что переброшенного из кузова грузовика на траву. Олег Падалко, Евгений Мухин и я стояли чуть поодаль и взирали на эту картину с удовольствием, но и озадаченно. Прошло пять лет, как не севший на хребте вертолет пустым вернулся в Сочи. За это время нелюбовь к геликоптерам поутихла, но могла распалиться заново: в Сухуми вертолет на ближайшие дни обещали как-то неопределенно. В момент раздумий над тактикой пешей заброски из субтропической тьмы вдруг выдвинулась группа богатырски сложенных людей. Если бы их было тридцать три, я бы не сомневался, что впереди - дядька Черномор: приземистый, широкий темнолицый муж с длинной черной бородой. Это был Петр Устинов, глава дивногорцев. С ним прибыли основательный и серьезный Борис Гутов, молодые, но бесконечно выносливые Шура Лазуткин и Виталий Лемешко, а также бывший москвич, навсегда продавшийся сибирским красотам, Валерий Бобрин — балагур, здоровяк и отчаянно смелый человек. Глядя на эту отборную рать, мы поняли, что теперь-то кино-съемки в пещере состоятся наверняка, даже если не будет вертолета.

Так тяжело мы не носили никогда. Суровые, но прекрасные дивногорцы размеренно и почти в ногу шли под ше-

стидесятикилограммовым грузом каждый. Московская молодежь пыжилась не отстать, но не слишком успешно. Некоторых пришлось разгружать по дороге; в качестве приемщиков избыточного веса наперегонки выступали Андрей Болсунов и я. Соревновались. К концу подъема наши умозрительные расчеты дали такие цифры: мой рюкзак весил пятьдесят семь килограммов, рюкзак Болсунова - шестьдесят. Видимо, из-за такой перегрузки мы подошли ко входу в Снежную не в лучшем расположении духа: требовалась по крайней мере еще одна такая же ходка.

К тому же предстоял неприятный разговор с начальством профессиональной экспедиции, палатки которой прикнулись между скал на верху хребтика, почти у самого входа в пропасть. Мы сгрузилась на полсотни метров ниже, на полукруглой площадке, окруженной склонами со всех сторон, кроме одной, юго-западной. Отсюда открывался отменный вид: на блестящую линзу моря с мутно очерченным полукруглым горизонтом, на кривую береговую линию с пятнышками прибрежных селений, на раскинувшийся двумя километрами ниже беспечный Дурипш с желтым пятаком стадиона, где еще ждал нас немалый груз.

После тяжелого подъема страшно хотелось пить. Снежников поблизости видно не было, и мы решили пойти не самым простым, но верным путем: поднять пару трансов снега из входного колодца пещеры. Однако, увидев дивногорцев с веревкой у начала отвеса, начальник М. решил, что мы начинаем штурм пропасти прямо с марша, и с детской непосредственностью потребовал немедленно убраться

прочь, поскольку, как нас и упреждали, «вход в пещеру закрыт». Усталым, голодным, а главное, испытывающим сильную жажду сибирякам такие слова говорить ни в коем случае нельзя. Поматывая вдруг распушившейся, как хвост у кошки, бородой, беззлобный, вообще говоря, Черномор Устинов выдавил из себя нечто такое, что оппонент поспешил удалиться.

Но терять лица не пристало никому. Через пару минут М. показался в нашем лагере и потребовал сатисфакции уже у меня. Истинную правду о желании попить чаю он отверг как грубый вымысел, ибо щелюга, полная снега, оказалась совсем недалеко от нашей стоянки. Кто ж знал! Потом этого снега нам хватило до конца экспедиции, и спасибо начальнику М., что он избавил нас от необходимости добывать воду из глубокого колодца.

Поначалу, как мог (не исключаю, что мог неважно), я попытался сгладить ситуацию и перевести диалог в дружеское русло. Но все же люди - странные существа. Многие. Нормальное в природе проявление мирных намерений они почему-то принимают за слабость и идут в агрессивную атаку. Психологам (а может, и психиатрам) тут широкий простор для размышлений, особенно когда дело касается околоспелеологической тусовки.

К сожалению, так вышло и на этот раз. М. категорически и довольно резко потребовал, чтобы до полного окончания его экспедиции мы в Снежную не совались. Вообще-то проблему можно было обсуждать, но манеры и термины оппонента — тем более перед лицом моих товарищей — не

оставляли ничего иного как отказать, впрочем с некими вежливыми увещеваниями. Мои три года армии все же прошли не зря: вежливость была на уровне, когда один солдат сует другому, капающему жидким свинцом на его сапоги. Короче, дружбы с руководителем не вышло.

Впрочем, с настоящими спелеологами — Булатом Мавлюдовым, стажером спелеошколы МГУ, где я был руководителем в 1970-1971 годах, Данилой Усиковым и Таней Немченко — никаких свар не было, хотя в той экспедиции мы многократно пересекались с ними и под землей, и на поверхности. Конечно, стороны высказали друг другу свои мысли, но достаточно дипломатично. Это не помешало обеим экспедициям завершиться успешно: тот самый вертолет, который забросил на хребет нашу телевизионную бригаду, снял команду «географов» со Снежной.